

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/35/3

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА (КОММУНАЛКА) В РЕФЕРЕНТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Жанна Константиновна Гапонова¹,
Елена Викторовна Никкарева²

^{1,2} Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

¹ jangap1@mail.ru

² enikkareva@mail.ru

Аннотация. Репрезентация в современной культуре советского прошлого связана с таким феноменом, как коммунальная квартира, востребованным и в современной литературе для детей и подростков. Топос рассматривается как полиэлементная система, складывающаяся в различных авторских описаниях и устойчиво воспроизводящая семантически нагруженный и узнаваемый облик советской действительности. На материале ДетКорпуса и на наиболее репрезентативных примерах из произведений последнего десятилетия для детей и подростков предпринята попытка определить специфику топоса, ставшего «системным знаком» советского времени, как диалектического образа, выражающего коллективистский пафос советской культуры и позволяющего говорить об особой стратегии трансформации оппозиции «свой – чужой».

Ключевые слова: литература для детей и подростков, советская эпоха, коммунальная квартира, «свой – чужой», субъектно-ориентированный топос, семантика общего

Для цитирования: Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. Коммунальная квартира (коммуналка) в референтном поле современной художественной литературы для детей и подростков // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35. С. 35–53. doi: 10.17223/23062061/35/3

Original article

COMMUNAL APARTMENT (KOMMUNALKA) IN THE REFERENCE FIELD OF MODERN FICTION FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS

Zhanna K. Gaponova¹, Elena V. Nikkareva²

*^{1, 2} Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation*

¹ jangap1@mail.ru

² enikkareva@mail.ru

Abstract. Representation in the modern culture of the Soviet past is associated with such a phenomenon as a communal apartment, which is also in demand in modern literature for children and adolescents. In the article, based on the material of the Corpus of Russian Prose for Children and Youth, as well as the most representative examples from the works of the last decade for children and adolescents, an attempt is made to determine the specifics of the topos of a communal apartment, which has become a “system sign” (referent) of Soviet childhood. The vectors of interpretation of a communal apartment set the ideological and spatial “us vs them” and “individual vs common” oppositions and their assessment. At the same time, various attributes of a communal apartment are significant for artistic modeling, defining the subject organization (neighbor, family member, etc.), the organization of space (room, corridor, kitchen, etc.), subject realities (bell, door, etc.). Modern writers’ work with the topos of a communal apartment is based on the tradition that developed in children’s literature of the Soviet period. The child hero, reproducing the stable components of the associative field of the concept “communal apartment” necessary for the objectification of the attribute, translates a potentially conflict situation associated with the concept of neighbor and determined by a stable set of plot situations and motifs into a comic one. In children’s and adolescent literature, the process of blurring the boundaries between anomaly and norm under the influence of communal life is reflected (the character type “crazy old woman”, zoomorphic images of neighbors, the acquisition of supernatural significance by things, the process of segmentation of “our” space, etc.). The transformation of the binary opposition “us vs them” can occur due to the inclusion of the element “nobody’s”, fixed in the definition of a unique type of character — “nobody’s grandmother”. In modern children’s literature, the situation associated with the marginal position of “nobody’s” old people in communal apartments, due to inclusion in the context of children’s play, loses its negative assessment, due to the functional connection of the types of “nobody’s grandmother” and “nanny”, which leads to the correlation of “nobody’s” and “common” in the picture of the communal world. The semantics of the “common” is more often manifested in relation to referents defining the spatial organization. The allocation of certain loci in a communal

apartment that transmit ideas about one's own and someone else's or about one's own and common, returns us to the description of relations with neighbors in the apartment, more precisely, to the predominance of emotive characteristics of the topos in question, objectified through the motif of quarrels and conflicts over the use of common places and property. "Common" loci (kitchen, corridor, restroom), being a boundary space, can, depending on the plot situation, actualize the "own" or "alien" semes. For example, a corridor, in accordance with the strategy of mastering and appropriating someone else's space during the game, can also act as "own" space. The representation of the topos of a communal apartment in children's literature, of course, reflects the realities of the Soviet era and the everyday life of the "inhabitants" of the communal apartment, with its "conflict zones", but the child's consciousness, acting as a focalizer of the narrative, allows emphasizing the semantics of the common. We can talk about the transformation of the opposition "us vs them" according to the laws of dialectics. The realities of the time, seen through the eyes of a child, allow us to consider the topos of a communal apartment/kommunalka as a "system sign" (referent) of Soviet childhood, as a dialectical image expressing the collectivist pathos of Soviet culture and metaphorically reflecting Iosif Vareikis' idea of a communal apartment as the USSR.

Keywords: literature for children and teenagers, Soviet era, communal apartment, "us vs them", subject-oriented topos, semantics of the common

For citation: Gaponova, Zh.K. & Nikkareva, E.V. (2024) Communal apartment (kommunalka) in the reference field of modern fiction for children and adolescents. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 35. pp. 35–53. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/35/3

В последнее время в текстах детской и подростковой литературы многие авторы реализуют стратегии конструирования художественного образа того или иного исторического периода, отражающего смысловые рамки коллективной памяти. При этом для художественного моделирования образа конкретной исторической эпохи значимым оказывается рассматриваемое нами интенционально, вслед за М.Л. Макаровым, явление референции, т.е. соотносённость актуализированных в тексте имен и/или именных выражений с внеязыковыми объектами (референтами), концептуализированными в сознании повествователя [1].

Активная репрезентация в современной культуре советского прошлого, конструирование семантически нагруженного и узнаваемого облика советской действительности предполагают и обращение к такому специфическому советскому феномену, как коммунальная квартира, укоренившемуся в сознании советского человека и не утратившему окончательно «своей значимости для некоторых русских» и сегодня [2. С. 208]. «Механизм формирования и функционирования» коммунальных квартир, ставших «системным знаком» советской эпохи [3. С. 89], сложился в конце 1920-х гг. и «оставался неизменным до предоставления права на

приватизацию жилья после распада СССР» [3. С. 202]. При этом задающая систему координат, общие «топографические рамки памяти» советского человека (цит. по: [4. С. 23]), рассматриваемая как своеобразное место памяти, культурная и метафорическая руина [5], коммунальная квартира «в период своего “расцвета” с 1930-х по 1950-е не изображалась в искусстве социалистического реализма» [4. С. 163]. Хотя публицистика 1920–1930-х гг. и изобилует описаниями жилищных споров и коммунального быта, но самостоятельным предметом изображения коммунальная квартира становится только в литературе 1960–1970-х гг. [4. С. 164], когда «в сюжетах возникает внутренняя необходимость такого места действия, как коммуналка» [6].

Референтная семантика топоса коммунальной квартиры в качестве полиэлементной системы, складывающейся в различных авторских описаниях, конституируется в советской литературе и, став уже частью нашей общей культурной памяти, транслируется и интерпретируется в современных художественных текстах. Некоторые референты, определяющие субъектную организацию (сосед, член семьи и др.), организацию пространства (комната, коридор, кухня и др.), бытовые реалии (звонок, дверь, телефон и др.), устойчиво воспроизводятся разными авторами, выступая отражением «поэтики шаблонных черт» (К. Маслинский), другие – встречаются однократно.

Современный прозаический дискурс о советском детстве выстраивается авторами, относящимися к разным поколениям и соответственно находящимися в разных временных дистанциях с реальным топосом коммунальной квартиры, как на собственных воспоминаниях, на которые наслаиваются заимствованные из многочисленных культурных репрезентаций детства в СССР реалии и образы, артефакты чужого эмоционального опыта, так и на опосредованных «воспоминаниях» второго (и даже уже третьего) поколения. При этом современная литература для детей и подростков, к которой мы относим произведения, написанные в промежутке с 2001 г. по настоящее время, являясь «посредником» между приватными воспоминаниями и социальной и культурной памятью [6. С. 135], может быть, по определению С.Г. Маслинской, рассмотрена «как канал передачи юным читателям нормализованного знания о советском прошлом» [7. С. 165]. Художественный текст в таком случае стремится реконструировать не быт коммуналок, а сложившееся в советской культуре референтное поле топоса коммунальной квартиры, и вместе с тем восполнить возникающие у современного читателя-ребенка, мало представляющего эпоху, в которой происходит действие, лакуны смыслов. Так, например, в повести М. Аромштам «Мохнатый ребенок» (2009 г.) не

играющее сюжетобразующей роли упоминание коммуналки сопровождается определением этого явления: «До войны, рассказывала бабушка, у них была комната в коммуналке. Коммуналка – это такая квартира, где в разных комнатах живут **чужие** друг другу люди, а коридор, кухня и туалет у них **общие**» [9. С. 6]. Актуализированные в данном определении мировоззренческие и пространственные оппозиции «свой – чужой», «индивидуальный – общий» и их оценка отражают векторы интерпретации топоса коммунальной квартиры в современной литературе для детей и подростков.

Цель нашего исследования, таким образом, – не только определить, какие референты коммунальной повседневности оказываются актуализированы в современной художественной литературе для детей и подростков, но и выявить специфику репрезентации топоса коммунальной квартиры в художественных текстах, ориентированных на детскую аудиторию. Мы не ставим перед собой задачу описания индивидуально-авторских стратегий создания образа советского детства, работы с памятью о советском прошлом, ограничиваясь отдельными замечаниями, необходимыми для характеристики топоса коммунальной квартиры. Этим определяется возможность использования инструментов дальнего чтения в сочетании с типологическим анализом и социокультурным методом исследования.

Благодаря данным подкорпуса художественной литературы (2 573 текста) «Корпуса русской прозы для детей и юношества» (далее – ДетКорпус) [10] на уровне лексических контекстов, в которых встречаются упоминания о коммунальной квартире, мы можем восстановить некоторые элементы топоса, актуализированные детскими писателями и воспроизводящие упоминаемые нами выше типичные референты коммунальной квартиры, устойчивые в сознании русского человека. Обращение к ДетКорпусу также позволяет избежать в некоторой степени произвольности при отборе произведений, в частности, позволяющих проанализировать контексты употребления словосочетаний *коммунальная квартира* и слова *коммуналка*. Так, лемма ‘коммунальный’ входит в 252 контекста, при этом только 185 из них отсылают нас к топосу коммунальной квартиры. При этом определение ‘коммунальный’ получает не только квартира (109 коллокаций), но и коридор (11 коллокаций), кухня (10 коллокаций). При этом среди контекстов выборки только 56 вхождений из текстов современной литературы, 25 приходится на первое постсоветское десятилетие и 129 на советский период. Следует отметить и то, что первое вхождение разговорного наименования «коммуналка» в ДетКорпусе отмечено в 1977 г., тогда как в дневниках проекта «Прожито» оно встречается уже в 1942 г. В целом из 118 контекстов выборки на запрос «коммуналка»

только 9 относятся к советскому времени (3 текста 1970–1980-х гг.), 76 вхождений – из современной детской литературы [11].

Работа современных писателей с топосом коммунальной квартиры опирается на традицию, сложившуюся в детской литературе советского периода. С этой точки зрения наиболее показательными представляются нам «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского. Как отмечает Д. Козлов, указывая на приведенный в издании серии «Руслит. Литературные памятники XX века» «подробный каталог событий и предметов эпохи», «хотя на страницах “Денискиных рассказов” практически не отражены события “большой” политической истории <...>, ни на мгновение не приходится сомневаться: это могло быть написано только в годы Оттепели». При этом сама коммунальная квартира, в которой живет Дениска, не является приметой оттепельного времени, ее появление мотивировано биографически. Отмечая в сопроводительной статье «Дом Денискиных рассказов» прослеживаемое в рассказах «сочетание реальности и вымысла», Е. Горошко и А. Мозжухина указывают, что прототипом дома, описанного в некоторых из Денискиных рассказов, является дом по адресу ул. Грановского, 3, где в одной из комнат коммунальной квартиры на полуподвальном этаже с 1957 по 1960 г. проживала семья Драгунских [12. С. 305]. В рассказах нет развернутого описания коммуналки, упоминаются такие локусы, как комната, «большущий длинный коридор» [13. С. 228], ванна (по вторникам), хотя по разрозненным деталям можно восстановить коммунальный быт второй половины 1950-х гг. Точка зрения ребенка позволяет выразить отношение к некоторым особенностям жизни в коммуналке, при этом целостной оценки явления не предлагается.

Так, в открывающем сборник рассказе «Что я люблю» рефреном повторяется фраза «*когда мы будем жить просторней*». С одной стороны, она актуализирует представления о тесноте коммунального мира, выразившиеся в термине «минуспространство», введенном В. Топоровым применительно к прозе С. Кржижановского: «... Жизнь, заставленная ото всюду стенками, убивает в человеке чувство пространства, мира...» [14. С. 476]. Мотив тесноты повторяется и в рассказе «...и чего не люблю!»: «Я не люблю, что у нас в коридоре *тесно*». Вместе с тем можно отметить, что острота возникающей оппозиции «теснота (минуспространство) – простор» снимается за счет включения ее в пространство детской игры. При этом трагическая подоплека звучащей рефреном фразы «будем жить просторней», раскрытая в комментариях к изданию, не эксплицирована, оценка дефицита пространства, данная с позиции ребенка, и доведение с помощью градации признака простора фактически до абсурда позволяют нивелировать отрицательные коннотации: «*мы будем жить просторней*

и купим собаку...»; «Когда мы **будем жить просторней**, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной» [13. С. 6]; «Когда мы **будем жить просторней**, мы купим слоненка» [13. С. 7]. Можно сделать вывод, что специфика создания образа коммунальной квартиры в «Денискиных рассказах» предполагает воспроизведение характерных для этого топоса деталей и оппозиций, но за счет возникающего комического эффекта снимается острота противоречий.

Этот механизм оказывается востребован современными писателями, адресующими свои тексты детям и подросткам. Например, в автобиографической повести Н. Нусиновой «Приключения Джерика» в услышанном героиней обрывке разговора противопоставление отдельной и коммунальной квартир также реализовано через оппозицию «простор – теснота»: «*Вшестером в трех комнатах! Буржуи недорезанные! Еще и собаку взяли – места-то полно! Еще бы! Такой метраж! <...> А мы все в КОММУНАЛКАХ теснимся*» [15]. Эта оппозиция может быть актуальна и при характеристике внутреннего пространства коммуналки, имплицитно указывая на неравный статус разных жильцов в коммунальной иерархии: «*Комната* у Алеши светлая, *просторная*. Метров тридцать, наверное, а то и все тридцать пять. Да и не комната это когда-то была – настоящий зал, вмещавший еще и две боковые *соседские каморки*» [16].

При этом значимо, что, обращаясь к реалиям определенной эпохи, вводя исторический и культурный контекст и принимая на себя ответственность за рефлекссию о коллективной памяти, авторы, ориентируя текст на современного читателя-ребенка, не имеют «права врать», поскольку поколение Z, для представителей которого в целом характерен недостаток критического отношения к информации, а в особенности к тому, «что они “помнят” только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли» [17], не имеет возможности самостоятельно верифицировать те или иные факты. В этой связи особую популярность приобретает комментарий, выступающий в современных изданиях как одна из технологий фиксации «памяти культуры» (Ю.М. Лотман) (см. об этом: [18]).

Так, повесть Н. Нусиновой завершается «Списком трудных и советских слов (с объяснениями...)», в котором выделенные в тексте советизмы комментируются ребенком-повествователем, а затем его точка зрения верифицируется с позиции повествователя-взрослого. Так, в своем «Списке...» Наташа определяет понятия «коммунальная квартира» и «отдельная квартира», выстраивая противопоставление на объективных (одна семья – несколько семей сразу) и субъективных – эмотивных – характеристиках: «*Скучновато, конечно, зато просторно*» (об отдельной

квартире) – «*очень весело*» (о коммунальной) [15]. При этом в определении коммунальной квартиры актуализирована семантика «общего» («*несколько... сразу*», *всегда, много, всюду, одновременно, все*), нивелирующая противопоставление своего и чужого.

Герой-ребенок, воспроизводя устойчивые, необходимые для объективации признака компоненты ассоциативного поля концепта «коммуналка» (см., например: [19. С. 127]), позволяющие определить топос коммунальной квартиры как субъектно-ориентированный: *конфликты* («*все ругаются, дерутся*») и *бытовое хулиганство* («*кошек друг другу в суп бросают*»), – в жанре «вредного совета», переводящего потенциально конфликтную ситуацию в комическую и субъективирующего комментарий в целом, вводит иную парадоксальную оппозицию «соседи – люди» («...они – **ВРЕДНЫЕ**»): «*Лучше в соседский суп плевать, тогда потом его, скорее всего, и так отдадут кошкам. И все будут довольны – и кошки, и люди. Кроме соседей, конечно*» [15]. Этот пример, однако, иллюстрирует не только закрепленную в обыденном сознании конфликтность концепта «сосед/соседка», связанную с устойчивым набором сюжетных ситуаций и мотивов, определяющих его художественную интерпретацию, но и отражает неоднократно описанный в литературе «большой» процесс размывания границ между аномалией и нормой под влиянием коммунального быта (см. об этом: [7]). Так, субъектная структура произведений для детей и подростков может включать особые типы «жильцов», наиболее частотным из которых можно назвать «сумасшедшую старуху»: например, Варвара Гурьевна Птах в «Алешиной комнате» С. Волковой, смыслом существования которой становится поиск «чужих», замаскировавшихся под «своих» (шпионов, врагов народа).

Аномальность коммунального мира проявляется также в приписывании соседям зооморфных характеристик, уподоблении их нечистой силе: «*А вдруг у нее коммунальная квартира и соседи – злыдни?*» (Е. Вильмонт «Невероятное везение», 1998) [11]. Не случайно в основе стратегии работы с культурной памятью, реализуемой Ю. Яковлевой в цикле «Ленинградские сказки», когда, как отмечает О.Ю. Багдасарян, анализируя первую повесть цикла «Дети ворона», «всё “исторически страшное” в книге метафоризировано и превращено в сказочное» [20. С. 116], лежит развернутая метафора «люди (советские граждане) – птицы» и соседки по коммунальной квартире уподобляются *сорокам*: «*Нет-нет-нет-нет-нет! – трещала сорока. – Не рассказывайте. Не хочу знать. Меньше знаешь – крепче спишь. Мое гнездо с краю*» [21. С. 85] и «*Нет-нет-нет-нет-нет! – застрочило и затрещало отовсюду, захлопали двери. – Как бы чего не вышло... – Не рассказывайте. Не хочу знать. – Меньше знаешь –*

крепче спишь... – Я ничего не знал... – Я ничего не слышала... Не видела... Мое дело – сторона...» [21. С. 111].

Отметим, что такие уподобления можно найти и в советской детской литературе, в частности у В. Драгунского в рассказе «Двадцать лет под кроватью» Денис говорит о соседке Ефросинье Петровне: «симпатичная старушка, но немножко похожая на *бабу ягу*» [13. С. 229]. Однако они не несут негативных коннотаций и могут быть интерпретированы, скорее, как особенность детского сознания, воспринимающего мир сквозь призму сказки и охотно допускающего чудесное в свою жизнь.

На еще одну иррациональную особенность коммунального быта, определяющую специфику субъекта, указывает С. Бойм: «Отношения между людьми и вещами нестабильны, *люди овеществляются* и обезличиваются, а вещи приобретают сверхъестественную значимость» [4. С. 169]. Оппозиция «люди – вещи» актуализирована, например, в романе Ю. Линде «Улица Ручей. Накануне», действие которого происходит в 1939 г.: *«Все остальные квартиры постепенно превратились в густозаселенные коммуналки, причем жильцы то и дело съезжаются, разъезжаются, уезжают, приезжают, меняются или куда-то пропадают. А вещи оседают на чердаке»* [22. С. 100].

Противоестественным в силу сегментации «своего» пространства на «свое» и «чужое» предстает в литературе для детей и подростков и исторический процесс появления коммуналок, в частности, – превращения квартир, ранее принадлежащих одной семье, в коммунальные путем «уплотнения» (нормой жилплощади, которая полагалась советскому человеку, были 8 квадратных метров [23. С. 59]): *«Но только раньше у них были огромные апартаменты, а после революции подселили еще несколько семей. В общем, получилась одна большая коммунальная квартира»* (Н.А. Кузнецова «Дело о босоногой принцессе», 2004) [11]. Представления о жильцах коммуналки могут даваться имплицитно: *«...помимо Алешиной, в квартире зачем-то пригрелись еще три комнаты»* [16]. Детская точка зрения актуализируется через глагол *пригрелись* и местоименное наречие *зачем-то*, показывающие ситуацию вынужденного соседства, иногда не понимаемую ребенком.

В книге А. Десницкой и А. Литвиной «История старой квартиры» «превращение» квартиры в одном из доходных домов Москвы, в которую Муромцевы переезжают в 1902 г., в коммуналку показано как процесс постепенный: в 1919 г. к героям в бывший папин кабинет подселяют товарища Орлика, а в 1927 г. живет уже шесть семей. Но, указывая на эксплицитную конфликтность коммунального быта, авторы, отдавая

дань исторической правде, приходят к выводу: «*Муромцевых уплотняли **несколько раз. Всем тесно и неудобно, по утрам в туалет и в ванную – длинные очереди, а на кухне то и дело вспыхивают ссоры. Но соседи рады и такому жилью: в Москве добыть комнату очень не просто***» [24. С. 19].

Процесс уплотнения может приобретать черты кафкианского превращения. Сопоставление жильцов коммуналок с насекомыми, достаточно частотное для «литературы большой» (например, в рассказе А. Лавруши «Человеческий капитал»: «*Во мне поселились похожие на **тараканов** жильцы*» [25. С. 109]), находит отражение и в произведениях для детей: «*Тимошин синул в годы революции, а его любимое детище превратилось в настоящий коммунальный **муравейник**, где поселились десятки, если не сотни жильцов*» (Е.В. Артамонова «Узоры из бисера кошмаров», 2006) [11].

Надо отметить, что в современной литературе для детей и подростков находит отражение и обратный процесс расселения коммуналок, стартовавший в Москве в 1990-х гг. и контекстуально маркирующий в сознании ребенка границу между советским прошлым и настоящим (по количеству коллокаций в ДетКорпусе леммы *расселять* (3), *переезжать* (3), *бывший* (4) входят в 20 самых частотных коллокатов, связанных с коммунальной квартирой): «*Старые двух- и трехэтажные доходные дома на Сретенке и в переулках, в которых еще недавно были перенаселенные коммуналки, ныне один за другим расселялись на капитальный ремонт*» (А.Д. Иванов «Загадка бронзового льва», 2006); «*Это бывшая коммуналка, тут раньше пять семей уживалось*» (Д. Доцук «Я и мое чудовище», 2019) [11].

Трансформация бинарной оппозиции «свой – чужой» может происходить за счет включения элемента «ничей», зафиксированного в определении уникального типа персонажа-соседа – «ничья бабушка». Этот образ, впервые появившийся в романе «Золотой теленок» (1931) И. Ильфа и Е. Петрова среди обитателей «Вороньей слободки» (прообразом считается коммунальная квартира в Кропоткинском переулке), в которой жил со своей семьей Е. Петров (Катаев), мог быть связан с двумя различными историческими процессами: 1) в помещения на антресолях, чуланчики, кладовые переселялись одинокие старики «из бывших», 2) «ничьими бабушками» становились после революции и выписанные из деревни няни, домработницы. Например, с 1952 по 1956 г. Драгунские впятером жили в комнате Риты Львовны (бабушки Дениса) в коммунальной квартире на Покровском бульваре. У Дениса была няня «с проживанием» (по рассказам Дениса Викторовича, няня спала на сундуке, а сам он – на кушетке за шкафом).

А. Митрофанов в книге «Коммунальная квартира» указывает, что первое время, после того как предназначавшиеся для прислуги помещения

стали функционировать в режиме полноценных жилых комнат, домработницы, часто бывшие «из сельских» и проживавшие в коммуналке без прописки, ночевали в коридорах, но после 1929 г. на размещение прислуги в общественных местах стали требовать согласие соседей, и явление постепенно стало угасать [26. С. 42]. Так, экономический обозреватель Алексей Байер вспоминает: *«...в кладовке без окон жила ничья бабушка по имени тетя Мотя. У нее было окно под потолком, в кухню <...> У меня еще была няня Полина. Она жила у нас и спала на антресолях в общем коридоре»* [27].

В современной литературе для детей и подростков ситуация, связанная с маргинальным положением «ничьих» стариков в коммунальных квартирах, за счет включения в контекст детской игры теряет негативную оценку. Так, мотивы игры, тайны реализуются в повести А. Житинского «Старичок с большой Пушкарской» (1989): в *«расположенных над коридором в кухню» антресолях*, которые *«были такими высокими, что Санька могла стоять там во весь рост»*, героиня устраивает жилье бездомному старику-инопланетянину [28].

В книге А. Десницкой и А. Литвиной «История старой квартиры» образ ничьей бабушки также присутствует. Так, Муромцевы переезжают в новую квартиру вместе с кухаркой Марфой Петровной Симоновой (Петровной), для которой рядом с кухней приготовлена хотя и маленькая, но отдельная комната с расположенными над ней антресолями, спит она на сундуке (*«...несут сундук, на котором спит Петровна, в ее комнату»* [24. С. 7]). В 1927 г. в квартире живет сын кухарки, умершей в 1920 г., с женой и двумя детьми, а бывшую комнату кухарки ее внук Петя называет чуланом, в нем теперь живет бабка Шуйская «из бывших». Образ «ничьей бабушки» Веры Павловны Шуйской интертекстуально отсылает к сюжетной ситуации романа И. Ильфа и Е. Петрова: *«...хотя вся квартира освещалась электричеством, бабушка жгла у себя наверху керосиновую лампу с рефлектором. Электричеству она не доверяла»* [29. С. 169]. Нивелируя трагикомический пафос ситуации в «Вороньей слободке», авторы «Истории старой квартиры» предлагают следующую справку: *«По плану ГОЭЛРО в стране строят новые электростанции. “Лампочка Ильича” в каждой квартире теперь работает исправно, но у жильцов на всякий случай припасены керосиновые лампы и свечи»* [24. С. 18]. О смерти «старушки Шуйской» в ноябре 1941 г. мы узнаем из рассказа Тома Муромцевой, который сопровождает иллюстрация опустевшей комнаты со свернутым матрасом [24. С. 25]. В 1945 г., как следует из рас-

сказа, в кухонный чулан подселили одноногого лейтенанта Серго Ниношвили – будущего мужа Тома Муромцевой, а в 1973 г. – это комната Игнатова (вероятно, он приходится родственником дворника Маркела).

Няня в «Истории старой квартиры» является самостоятельным персонажем: Ефросиния Никифоровна (Никифоровна) переезжает вместе с семьей Муромцевых, но своей комнаты не имеет, поскольку спит в детской на сундуке, и продолжает жить в комнате, занимаемой Муромцевыми, до самой смерти.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в СССР к 1953 г., М. Ромашова отмечает, что «необходимость поддержки гендерного контракта “работающей матери” при неразвитой социальной инфраструктуре» приводит в том числе и к тому, что «“бабушкой” предлагалось *стать* всем пожилым и старым женщинам, в том числе одиноким, которые, заботясь о соседских детях, могли бы удовлетворить свою “естественную” потребность быть матерью и бабушкой» [30]. Функциональное соединение типов «ничьей бабушки» и «няни» можно отметить как в автофикциональных текстах, так и в художественной литературе.

Так, Глеб Горбовский в своих воспоминаниях о жизни ленинградской коммунальной квартиры на Малой Подъяческой улице пишет: «...в проходном квартирном пространстве общего пользования, будто на пешеходном мосту, соединяющем “черный ход” коммуналки с основным ходом, под портретом наркома Ежова на гигантском окованном сундуке жила у нас в квартире *“ничья бабушка”* из сельских. В свое время кем-то выхваченная из деревни *в няньки* да так и забытая в коридоре, – то ли младенец, которого надлежало ей нянчить, умер до срока, то ли родители младенца поссорились и развелись, – во всяком случае, бабушка жила в коридоре на сундуке, ела хлебную тюрю с луком, крестилась на свет электролампы, шептала молитвы и, за неимением собственного младенца, *ласкала время от времени меня и всех остальных малолеток* жилищницы. *Ласкала, угощала тюрей и вместо сказок рассказывала нам иногда о своей деревне*» (цит. по: [7]). Образ проживавшей «в изви-вах коридора» «ничьей бабушки», за неимением своих внуков заботившейся *обо всех* живущих в коммунальной квартире детях, возникает и в автобиографической повести Г. Горбовского «Первые проталины» (1984): «*“Ничья” бабушка <...> сперва никак не могла привыкнуть к Машиному: “Здравствуйте, бабушка Анисья!” Она отчаянно пугалась этих слов, осеняла себя крестным знаменем, но постепенно стала привыкать к приветствию, сознавать начала, что и ее замечают в этом мире; так что по прошествии некоторого времени на губах благодарной старушки нечто вроде улыбки затрепетало, а в глазах неподдельные, как родник на*

дне высохшего колодца, слезы появились». На доброту въехавших в коммуналку Овсянниковых бабушка отвечает добром: *«Ожила от Машиных улыбок и коридорная бабушка, сундук свой, дырявой скатертью с кистями накрытый, на катафалк похожий, покидать начала и – в отсутствие Лукерьюшки – за Павлушей присматривать, а также, несмотря на строжайший Машин запрет, тюрей его своей хлебной, соленой прикармливать»* (цит. по: [6]).

Ценностная трансформация образа ничьей бабушки особенно отчетливо видна в художественных миниатюрах В.А. Сухомлинского, включенных в 1990 г. в «Хрестоматию по этике», «Пусть я буду ваша бабушка» [31. С. 132] и «Равнодушие» [31. С. 95–96], в которой героиня задает вопрос «А разве может быть ничья бабушка?» Таким образом, «ничей» и «общий» в картине коммунального мира становятся семантическими коррелятами.

Семантика «общего» чаще проявляется по отношению к референтам, определяющим пространственную организацию. Выделение в коммунальной квартире определенных локусов, транслирующих представления о своем и чужом или о своем и общем, возвращает нас к описанию отношений с соседями по квартире, точнее, к преобладанию эмотивных характеристик рассматриваемого топоса, объективированных через мотив ссор и конфликтов из-за пользования общими местами и имуществом, причем иногда в детской литературе реализуется стратегия имплицитной подачи материала. Так, стереотипные компоненты ассоциативного поля «коммуналка» актуализируются, например, когда само словосочетание *коммунальная квартира* используется для сравнения, что дает возможность осмыслить характеристики анализируемого явления, поскольку они становятся основанием для сопоставления по наиболее яркому параметру, в частности, воспоминания о быте в коммунальной квартире нередко мотивированы ситуациями ссор, в том числе по поводу общественных мест. Это наблюдается как в советской детской литературе, например: *«Вагон – коммунальная квартира на колесах. Пассажиры ругаются в очередях к уборным, перезнакомились все, чаи гоняют»* (В.В. Бианки «Фомка-разбойник», 1967); *«А это никуда, просто никуда не годилось – опускаться до уровня крикунов и разводить “коммуналку”»* (С.Е. Полетаев «Озорники», 1979), так и в современной: *«Бывало так, что они начинали ссориться, будто соседи в склочной коммунальной квартире»* (А.А. Трушкин «Банда во временное пользование», 2002); *«Если мы друг другу уступать не будем, у нас не дом будет, а коммунальная квартира. Склочная»* (Э.Н. Успенский «Тетя Дяди Федора», 2003) [11].

«Общие» локусы (кухня, коридор, уборная), являясь пограничным пространством, могут в зависимости от сюжетной ситуации актуализировать сему 'свой' или сему 'чужой'. Объективировать представления ребенка о коммунальной квартире помогают эпитеты (определения) – коллокаты (в заданном нами по ДетКорпусу диапазоне коллокаций –3 до +3), сопровождающие, как правило, не сильно распространенные описания. Во многих произведениях современной литературы для детей и подростков мы находим указание на размер коммунальной квартиры, наиболее частотны эпитеты *большая* (6 коллокаций) и *огромная* (4 коллокации), например: «*Притихла и большая коммунальная квартира*» (Л.Д. Никольская «Должна остаться живой», 2010); «*Это была огромная коммунальная квартира со множеством комнат и выкрашенными коричневой краской полами*» (Е.В. Артамонова «Ключ от царства мрака», 2002) [11]. Пограничное пространство коридора связано с первым впечатлением о пространстве коммунальной квартиры и может метонимически замещать ее, демонстрируя восприятие этого пространства ребенком как чужого, принципиально разомкнутого, таинственного (единичные коллокаты в Деткорпусе). Подобные представления находят отражение как в советской детской литературе, например: «*бесконечную, уходящую за горизонт коммуналку*» (И.А. Андрианова «Мой сумасшедший папа», 1989); «*по огромной, запутанной, как лабиринт, коммуналке*» (Ю.М. Коротков «Виллисы», 1989), так и в современной литературе для детей и подростков: «*дебри коммуналки*» (Е.В. Артамонова «Ключ от царства мрака», 2002); «*коридор ведет в темную неизвестность*» (Э.Е. Фонякова «Хлеб той зимы», 1970) [11].

Вместе с тем коридор, в соответствии со стратегией освоения и присвоения чужого пространства в процессе игры, может выступать и как «свое» пространство (вспомним рассказ В.Ю. Драгунского «Двадцать лет под кроватью»). Именно то, что «*взрослые каждую минуту спуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат: "Дети, не вертись под ногами!"*» [13. С. 8], а не отсутствие пространства само по себе вызывает негативные эмоции у героя. За счет коридора, который «был таким же местом игр, как и двор с песочницей» [12. С. 308], расширяется пространство комнаты, например, в современной литературе для детей и подростков: «*...Аська ничего – охотно, с воинственным кличем гонялась по коммунальному коридору за маленькой сестренкой*» (Е.В. Мурашова «Гвардия тревоги», 2008) [11].

Репрезентация топоса коммунальной квартиры в современной детской литературе, безусловно, отражает реалии советского времени и повсе-

дневный быт «обитателей» коммуналки с его «конфликтогенными зонами» [2]. Хотя ряд контекстов ДетКорпуса, в которых коммунальная квартира только упоминается в качестве одной из реалий советской повседневности, и не позволяет говорить о создании целостного художественного образа советской коммуналки, именно они помогают нам выявить наиболее устойчивые элементы, закреплённые в сознании русского человека. В тех же произведениях современной художественной литературы для детей и подростков, в которых коммунальная квартира выступает в качестве сюжетно-обусловленного топоса, концептуализирующего образ советского прошлого, актуализация тех или иных элементов референтного поля происходит в соответствии с авторской задачей. Точка зрения ребенка, выступая фокализатором повествования, позволяет акцентировать семантику общего: происходит присвоение таких элементов топоса коммунальной квартиры, которые в литературе для взрослой аудитории выступают как чужие, ничьи. Таким образом, мы можем говорить о трансформации оппозиции «свое – чужое» по законам диалектики. Хотя описания коммуналки в детской литературе могут сопровождать единичные эпитеты перенаселённая, пенсионерская, жалкая, ещё реже постылая, жуткая, основное внимание уделяется большому размеру и плотной населённости коммунальной квартиры. Реалии времени, увиденные глазами ребенка, позволяют рассмотреть и сам топос коммунальной квартиры/коммуналки как «системный знак» (референт) советского прошлого, как диалектический образ, выражающий коллективистский пафос советской культуры и метафорически отражающий идею коммунальной квартиры как СССР И. Варейкиса: «...все было для Алеши любимо до щемлящей боли в миндалинах, и ни за что на свете не променял бы он свою комнату ни на какую другую. Даже на дворец. И если бы его спросили, что такое Родина (с большой, разумеется, буквы), и не у классной доски спросили, а так, шепотом, под честное-пречестное слово, – он бы поклялся, что **комната** эта и есть его Родина и **вся квартира** – тоже **Родина**» [16].

Список источников

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 276 с.
2. Чулкина Н. Конфликтогенные зоны повседневности и их отражение в русском обыденном языковом сознании (на примере концептов коммуналка (коммунальная квартира) и сосед/ка, соседи // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26. С. 208–211.
3. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 488 с. (Культура повседневности).

4. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 310 с. (Библиотека журнала Неприкосновенный запас).

5. Туркина В.Г., Туркин К.Е. Советская «коммуналка» как социокультурный институт и место памяти // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kommunalka-kak-sotsiokulturnyy-institut-i-mesto-pamyati> (дата обращения: 04.03.2022).

6. Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке // Урал. 2005. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2005/10/nash-chelovek-v-kommunalk.html?> (дата обращения: 04.03.2022).

7. Маслинская С. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 165–178.

8. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

9. Аромштам М.С. Мохнатый ребенок: истории о людях и животных. 4-е изд., испр. М. : КомпасГид, 2015. 208 с.

10. Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л. Корпус русской прозы для детей и юношества // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. 2021. V2. UNF: 6:vQujVgZ3l42SPt5iRjw65Q==[fileUNF]. doi: 10.31860/openlit-2021.4-C001

11. ДетКорпус: доступ к поисковому интерфейсу. URL: <http://detcorpus.ru/> (дата обращения: 17.12.2021).

12. Горошко Е., Мозжухина А. Дом Денискиных рассказов // Драгунский В. Рыцари и еще 60 историй. М. : Издательский проект «А и Б», 2017. С. 305–309. (Руслит. Литературные памятники XX века).

13. Драгунский В. Рыцари и еще 60 историй. М. : Издательский проект «А и Б», 2017. 304 +160 с., ил. (Руслит. Литературные памятники XX века).

14. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс ; Культура, 1995. 624 с.

15. Нусинова Н. Приключения Джерика : повесть : детям, которые любят собак, и взрослым, которые все понимают. М. : Самокат, 2006. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=260604&p=1&> (дата обращения: 10.12.2021).

16. Волкова С.В. Алешина комната // Волкова С.В. Джентльмены и снеговики. М. : Детская литература, 2017. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31262144 (дата обращения: 11.11.2021).

17. Хирш М. Что такое постпамять / пер. К. Харлановой. 17.06.2016. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat> (дата обращения: 17.12.2021).

18. Зимина Л.В. Инновационные практики комментирования // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции. М., 2021. С. 161–167.

19. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : ВШЭ, 2010. 317 с.

20. Багдасарян О.Ю. «Дети ворона» Ю. Яковлевой: жанровая логика vs. авторский сценарий // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 112–117. doi: 10.26170/pl18-04-12

21. Яковлева Ю. Ленинградские сказки. Кн. 1: Дети ворона, 1938 год. М. : Самокат, 2016. 258 с.

22. Линде Ю. Улица Ручей. Т. 1: Накануне. М. : Пять четвертей, 2021. 728 с.

23. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 775 с.
24. Литвина А., Десницкая А. История старой квартиры. М. : Самокат, 2020. 56 с.
25. Лавруша А. Человеческий материал // Полдень : альманах фантастики. 2022. Вып. 28. С. 106–113.
26. Митрофанов А.Г. Повседневная жизнь советской коммуналки. М. : Молодая гвардия, 2019. 425 с. (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
27. Байер А. Мы вспоминаем свои коммуналки // Сноб. 8.07.2011. URL: <https://snob.ru/fp/entry/37944?commentId=368299> (дата обращения: 17.12.2021).
28. Житинский А. Старичок с большой Пушкинской. URL: http://lib.ru/ZHITINSKIJ/Jitin_Star.txt (дата обращения: 17.12.2021).
29. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М. : Федерация, 1933. 440 с.
30. Ромашова М. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // Новое литературное обозрение. 2015. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/deficitnaya-babushka-sovetskij-diskurs-starosti-i-szenarii-stareniya.html> (дата обращения: 17.12.2021).
31. Сухомлинский В.А. Хрестоматия по этике. М. : Педагогика, 1990. 303 с.

References

1. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis.
2. Chulkina, N. (2015) Konfliktogennyye zony povsednevnosti i ikh otrazhenie v ruskom obyennom yazykovom soznanii (na primere kontseptov kommunalka (kommunal'naya kvartira) i sosed/ka, sosed'i [Conflict-generating zones of everyday life and their reflection in Russian everyday linguistic consciousness (a case study of the concepts 'kommunalka' ('kommunal'naya kvartira') i 'sosed/ka, sosed'i']. *Voprosy psikhologicheskoy nauki*. 26. pp. 208–211.
3. Leбина, N.B. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to the Great Style]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Boym, S. (2002) *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common Places: Mythology of Everyday Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Turkina, V.G. & Turkin, K.E. (2018) Sovetskaya "kommunalka" kak sotsiokul'turnyy institut i mesto pamyati [Soviet "communal apartment" as a socio-cultural institution and a place of memory]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 4(20). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kommunalka-kak-sotsiokulturnyy-institut-i-mesto-pamyati> (Accessed: 4th March 2022).
6. Maslinskaya, S. (2021) Magiya pionerskoy simboliki: sovetskoye proshloe v sovremennoy detskoj literature [The Magic of Pioneer Symbolism: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(169). pp. 165–178.
7. Bezzubtsev-Kondakov, A. (2005) Nash chelovek v kommunalke [Our Man in a Communal Apartment]. *Ural*. 10. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/ural/2005/10/nash-chelovek-v-kommunalke.html>? (Accessed: 4th March 2022).
8. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory

of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

9. Aromsham, M.S. (2015) *Mokhnatyy rebenok: istorii o lyudyakh i zhivotnykh* [A Wooly Child: Stories about People and Animals]. 4th ed. Moscow: KompasGid.

10. Maslinskiy, K., Lekarevich, E. & Aleynik, L. (2021) *Korpus russkoy prozy dlya detey i yunoststva* [Corpus of Russian prose for children and youth]. Repository of open data on Russian literature and folklore. Vol. 2. UNF: 6:vQujVgZ3l42SPr5iRjw65Q==[fileUNF]. doi: 10.31860/openlit-2021.4-C001

11. Russia. (n.d.) *DetKorpus: dostup k poiskovomu interfeysu* [DetCorpus: access to the search interface]. [Online] Available from: <http://detcorpus.ru/> (Accessed: 17th December 2021).

12. Goroshko, E. & Mozzhukhina, A. (2017) Dom Deniskinykh rasskazov [The House of Deniska's stories]. In: Dragunskiy, V. *Rytsari i eshche 60 istoriy* [Knights and 60 more Stories]. Moscow: Izdatel'skiy proekt "A i B." pp. 305–309.

13. Dragunskiy, V. (2017) *Rytsari i eshche 60 istoriy* [Knights and 60 more Stories]. Moscow: Izdatel'skiy proekt "A i B."

14. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeitic]. Moscow: Progress; Kul'tura.

15. Nusinova, N. (2006) *Priklyucheniya Dzherika: povest': detyam, kotorye lyubyat sobak, i vzroslym, kotorye vse ponimayut* [The Adventures of Jerick: a story: for children who love dogs, and adults who understand everything]. Moscow: Samokat. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=260604&p=1&> (Accessed: 10th December 2021).

16. Volkova, S.V. (2017) *Dzhentl'meny i snegoviki* [Gentlemen and Snowmen]. Moscow: Detskaya literatura. [Online] Available from: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31262144 (Accessed: 11th November 2021).

17. Hirsch, M. (2016) *Chto takoe postpamyat'* [What is postmemory]. Translated from English by K. Kharlanova. 17th June. [Online] Available from: <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamyat> (Accessed: 17th December 2021).

18. Zimina, L.V. (2021) Innovatsionnye praktiki kommentirovaniya [Innovative practices of commenting]. In: *Sovremennye problemy knizhnoy kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Modern problems of book culture: main trends and development prospects]. Proc. of the 14th Belarusian-Russian Conference. Moscow. pp. 161–167.

19. Orlov, I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: Historical and sociological aspects of formation]. Moscow: HSE.

20. Bagdasaryan, O.Yu. (2018) "Deti vorona" Yu. Yakovlevoy: zhanrovaya logika vs. avtorskiy stseneriy ["The Raven's Children" by Yu. Yakovleva: Genre logic vs. author's script]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(70). pp. 112–117. doi: 10.26170/pl18-04-12.

21. Yakovleva, Yu. (2016) *Leningradskie skazki* [Leningrad Tales]. Vol. 1. Moscow: Samokat.

22. Linde, Yu. (2021) *Ulitsa Ruchey* [Ruchey Street]. Vol. 1. Moscow: Pyat' chetvertay.

23. Belovinskiy, L.V. (2015) *Entsiklopedicheskiy slovar' istorii sovetskoy povsednevnoy zhizni* [The Encyclopedic Dictionary of the History of Soviet Everyday Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Litvina, A. & Desnitskaya, A. (2020) *Istoriya staroy kvartiry* [History of the Old Apartment]. Moscow: Samokat.

25. Lavrusha, A. (2022) Chelovecheskiy material [Human material]. *Polden': al' manakh fantastiki*. 28. pp. 106–113.

26. Mitrofanov, A.G. (2019) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskoj kommunalki* [Everyday Life of a Soviet Communal Apartment]. Moscow: Molodaya gvardiya.

27. Bayer, A. (2011) My vspominaem svoi kommunalki [We remember our communal apartments]. *Snob*. 8th July. [Online] Available from: <https://snob.ru/fp/entry/37944?commentId=368299> (Accessed: 17th December 2021).

28. Zhitinskiy, A. (n.d.) *Starichok s bol'shoy Pushkarskoy* [The old man from Bolshaya Pushkarskaya]. [Online] Available from: http://lib.ru/ZHITINSKIJ/Jitin_Star.txt (Accessed: 17th December 2021).

29. Ilf, I. & Petrov, E. (1933) *Zolotoy telenok* [The Little Golden Calf]. Moscow: Fedratsiya.

30. Romashova, M. (2015) “Defitsitnaya” babushka: sovetskiy diskurs starosti i stsennariy stareniya [A “scarce” grandmother: The soviet discourse of old age and aging scenarios]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/defitsitnaya-babushka-sovetskij-diskurs-starosti-i-scenarii-stareniya.html> (Accessed: 17th December 2021).

31. Sukhomlinskiy, V.A. (1990) *Khrestomatiya po etike* [A reader on ethics]. Moscow: Pedagogika.

Информация об авторах:

Гапонова Ж.К. – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия). E-mail: jangap1@mail.ru

Никкарева Е.В. – старший преподаватель кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия). E-mail: enikkareva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zh.K. Gaponova, Cand. Sci. (Philology), docent, dean of the Faculty of Russian Philology and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: jangap1@mail.ru

E.V. Nikkareva, senior lecturer, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: enikkareva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2022;
одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 27.06.2024*

*The article was submitted 22.05.2022;
approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 27.06.2024*